

Государственный Эрмитаж. «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока». Том I. Ленинград, 1939. 325 стр., 101 табл. Цена 35 руб.

Вышедший недавно I том «Трудов Отдела Востока» Государственного Эрмитажа посвящен, за исключением двух статей, истории культуры и искусства древнего и доисламского Востока. Как и следовало ожидать, труды такого большого научного коллектива, каким является Государственный Эрмитаж, представляют большой интерес. Всего сборник содержит 17 статей.

Проф. Н. Д. Флитнер, в статье «Земледельческие культы древней Месопотамии в свете последних раскопок» пользуется результатами раскопок Вулли (Woolley) в Уре (Южное Двуречье), главным образом так наз. «царских» гробниц с человеческими жертвоприношениями. Автор присоединяется к точке зрения Бёля (Böhl), который считает их могилами жриц, представлявших в храмовых мистериях супругу умирающего бога плодородия (в данном случае Наннара-Сина) и потому принужденных, подобно Иштар, низойти в «преисподнюю» за своим супругом. В подтверждение этой точки зрения автор приводит сравнительный материал из представлений различных народов, видя в некоторых из них не только аналогии шумерским представлениям, но и элементы косвенного влияния вавилонской культуры. Толкование значения урских гробниц, предложенное Бёлем, несомненно, заслуживает внимания (дополнительным доводом в пользу его является между прочим титул «супруги бога Наниара», принадлежавший верховной жрице Ура еще при Саргоне Древнем)¹. Весьма интересен и материал, приводимый автором статьи. Однако опубликованные после написания этой статьи отчеты экспедиции Вулли вынуждают пересмотреть в значительной мере положения Бёля. Следует отметить, что переводы Витцеля (Witzel), которыми частично пользуется автор, не всегда вполне безупречно обоснованы. Употребление устаревшего «Ширпурла» вместо «Лагаш» объясняется, вероятно, просто привычкой автора.

Во второй статье того же автора «Сиро-хеттские памятники Эрмитажа» дается издание трех вещей: курильницы, маленького грифона и цилиндрической печати—памятников искусства, условно (без должной дифференциации, как указывает автор) называемого «сиро-хеттским». Наиболее интересна печать,—по мнению автора, образец северномесопотамского (поздне-«хурритского») искусства самого начала I тысячелетия². Она была найдена в могильнике Кумбулта в Северной Осетии. Как замечает автор, это указывает на раиние связи между Кавказом и странами древнего Востока. Надо думать, что печать попала на Северный Кавказ через посредство Урарту, самое раннее в конце IX в. до н. э., скорее несколько позже. Случай употребления цилиндрических печатей на периферии древневосточного мира много позже времени их изготовления нам известны³. В связи с изображениями на данных вещах автор касается ряда важных проблем культуры древнего Востока—культы дерева, богини-матери и т. д. Предположение автора, что мотив «переплетения ног» нагой богини имеет происхождение чисто композиционное в качестве попытки заменить «плетенку», символ богини, кажется мне менее вероятным, чем другое, приводимое там же предположение, что мы имеем здесь указание на связь этого божества со змеей. Упомянутая автором нагая фигура, изображаемая на вавилонских цилиндрах рядом с фигурой Энкиду, возможно, представляет собой богиню Ишхару, перед святилищем которой происходил бой Энкиду с Гильгамешем⁴. Ишхара почиталась в северной Сирии, и это, как и мотив кедра,

¹ Надпись на диске Эихедуанны, дочери Саргона, жрицы Наниара (из раскопок Вулли). *Ur Excavations, Texts I, 1, 23.*

² Впрочем, не исключена возможность датировки этого памятника концом II тысячелетия.

³ Так, печать с упоминанием имени Ибисина, царя Ура (XXIII в. до н. э.), была оттиснута на «каппадокийской» табличке из Кюль-тепе (Малая Азия), около 2000 г. до н. э.

⁴ См. J a s t r o w and C l a y, *An Old Babylonian Version of the Gilgamesh Epic.*

указывает, быть может, на сирийское влияние в аккадской версии эпоса Гильгамеша как результат связей династий Аккада с северо-западом¹.

Б. Б. П и о т р о в с к и й в статье «Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа» издает несколько бронзовых статуэток из Вана, стилистически близких ассирийскому искусству и составлявших, вероятно, часть трона. Автор останавливается подробно на технике их изготовления. Принципиальное значение имеет вывод о причинах стилистической близости урартских, ассирийских и других памятников искусства: «Передняя Азия X—V вв. до х. э. представляла собой конгломерат не всегда прочных классовых общественных объединений военного характера, постоянно менявших границы своих территорий... В этой обстановке металл и металлические изделия являлись основным предметом торговли и междуобщинного обмена, и военной добычи, что и объясняет нахождение тождественных бронзовых изделий в разных частях Передней Азии и за ее пределами. Это же обстоятельство привело к образованию скрещенных стилистических элементов в искусстве Передней Азии, которые мы не можем определенно приписать никакой этнической группе. Эти художественные элементы являются, в собственном смысле слова, переднеазиатскими, и они только получили развитие в отдельных центрах» (стр. 59).

Проф. И. М. Л у р ь е в статье «Элементы животного эпоса в древнеегипетских изображениях» дает обзор и анализ так наз. «юмористических сцен» с животными в египетском искусстве. Автор разделяет их на две основные группы: к одной он относит жанровые сцены, к другой, наибольшей, — изображения, являющиеся, по его мнению, «отображением религиозно-мифологических действий» (стр. 74), в которых принимают участие животные, а также люди, переодетые животными, разыгрывающие сцены из мифов о богах. Аналогичным образом автор толкует изображения на арфе с золотой головой быка из Ура. Автор подкрепляет свою точку зрения чрезвычайно интересным материалом, стремясь показать также и пути создания из этих мифов животного эпоса и басен. Автор отбрасывает толкование данных изображений как карикатур, так как «для древнеегипетского мышления эти же животные (обезьяна, шакал, осел и т. д. — И. Д.), являясь священными, были самым неразрывным образом связаны с представлениями о богах Тоте, Анубисе и Сете» (стр. 76). «Поэтому глубоко ошибочно, антиисторично усматривать в интересующих нас изображениях карикатуры, ибо это значит навязывать древнему Египту наши современные представления» (стр. 77).

В статье того же автора «Иммунитетные грамоты Древнего царства» затрогивается ряд исторических вопросов принципиальной важности. В статье даны переводы 11 иммунитетных грамот Древнего царства — одних из наиболее интересных памятников, раскрывающих характер хозяйства древнего Египта.

Автор приходит к заключению, что *mg.t* — непосредственные производители на землях храмов, получающих иммунитет, — могли располагать «своими руками и продуктами своего труда» (стр. 121) и, следовательно, не являлись рабами. «Ведь в самом деле, если мы допустим, что *mg.t* являются рабами, то как можно объяснить то, что целый ряд управлений, в том случае если *mg.t* не находятся под охраной иммунитетной грамоты, могут претендовать на их физическую силу или на продукты их труда?» (стр. 122). Довод этот был бы убедителен, если бы от привлечения к повинностям освобождались сами *mg.t*. Однако под охраной иммунитетной грамоты находились вовсе не *mg.t*, а их хозяин — храм, как замечает в другом месте сам автор: «...иммунитетные грамоты, дававшиеся храмам, действительно имели целью изъять храмовые владения из ведения царских и номовых властей, ибо доходы с них служили оплатой жречества, естественно, не желавшего ни с кем делиться ими» (стр. 129). И далее: «Ведь „освобождения“ и „защиты“, которые даруют указы, отнюдь не следует понимать как отмену тех повинностей, которые до того выполнялись производителями; менялся лишь получатель этих повинностей: вместо прежнего владельца — фараона — их получают теперь жрецы храмов» (стр. 125). Другими словами, это была как бы сделка о распределении доли в эксплуатации *mg.t*. Храм освобождался от обязанности уплачивать подати,

¹ Ср. дворец Нарам-Сина, обнаруженный раскопками в Телль-Ачане (сев. Сирия).

кормить царских гонцов и предоставлять каких бы то ни было людей на государственные повинности, что, конечно, свободно могло иметь место и в том случае, если *mr.t* были рабами¹. Мне кажется, что в данном случае нельзя видеть указания на право производителей располагать своей рабочей силой и продуктами своего труда. То обстоятельство, что обычный термин для раба—*ḥm*—почти никогда не употреблялся в эпоху Древнего царства², делает еще более вероятным, что под *mr.t* иммунитетных грамот могут иметься в виду и рабы³. Вопрос о *mr.t*, повидимому, должен быть рассмотрен египтологами, но во всяком случае нельзя согласиться с автором, когда он видит в иммунитетных грамотах «некоторые элементы феодальных отношений».

Статья проф. И. М. Лурье содержит интересные данные о египетском храмовом хозяйстве и жречестве и заслуживает серьезного внимания всякого, кто занимается вопросами истории древнего мира и истории Востока, в частности приводятся веские доказательства против предположения, что храмовое хозяйство совпадало с хозяйством нома.

В статье «Беседа разочарованного со своим духом» проф. И. М. Лурье поднимает существенный для истории Египта вопрос о датировке известного восстания (по мнению автора, крестьянского), о котором идет речь в «Поучении Ипувера» (Лейденский папирус) и в «Поучении Ноферреху» (эрмитажный папирус). На основании ряда данных литературно-филологического анализа и анализа внутренних свидетельств «Беседы» и обоих «Поучений» автор присоединяется к мнению Гардинера и Эрмана, согласно которому восстание произошло в период между Древним и Средним царством; автор находит указание на это же восстание также в ряде автобиографических надписей времени IX—X династий. В азиатах, упоминаемых «Поучением Ипувера», автор отказывается видеть гиксосов, как это делают К. Зете и акад. В. В. Струве.

Н. А. Шолпов в статье «Два фрагмента египетских водяных часов» впервые дает полную публикацию частей двух клепсидр раннеэллинистического времени из собрания Эрмитажа, описывает их устройство и устанавливает их датировку временем Александра для одной и временем Птолемея I для другой. Наличие на клепсидре Александра тронного имени, совпадающего с тронным именем Нектанеба II, является косвенным указанием на создание еще при жизни македонского завоевателя легенды о его происхождении от Нектанеба, отразившейся в романе Псевдо-Каллисфена.

Проф. М. Э. Матье в статье «Коптские и египетские магические женские статуэтки» разбирает группу памятников, часто понимаемых как «куклы», и показывает, что эти фигурки служили «магическим средством для получения потомства». Автор привлек интересный материал из области египетского мировоззрения, а также из области представлений первобытных народов.

Т. Н. Ушакова, разбирая один из видов орнамента на античных канделябрах, в статье «Пережитки египетских религиозных изображений в орнаментации античных канделябров» доказывает, что данный орнамент восходит к египетскому изображению уреев и проник в античное искусство из областей восточного Средиземноморья, находившихся под египетским влиянием.

Вторая статья проф. М. Э. Матье «Коптская расписная керамика Эрмитажа» дает публикацию 24 предметов керамики, хранящихся в Государственном Эрмитаже,

¹ Так именно обстоит дело в ассирийских и вавилонских иммунитетных грамотах (впрочем, значительно более поздних—в ранних царь говорит лишь, что «повинностей (храма) я не пожелал»—L. W. King, RA, IX, стр. 92). В них говорится совершенно ясно, что «поля, сады и люди» владельца освобождаются от податей и повинностей, т. е. «люди» приравниваются к прочему имуществу.

² «Труды», стр. 136².

³ Так трактует термин *mr.t* и М. А. Коростовцев в своей статье о декрете Сети I в Наури, на который ссылается автор. «Исторический архив», т. II, 1939, стр. 279—280. Но, может быть, *mr.t* означают «земледельцев» без определения их социального положения? На это как будто указывает контекст указов I, 15—25, V, 1—5 и VI, 1—5. Ср. шумерское слово *guruš* или *kala(g)* (идеогр. KAL), которое имеет значение просто «муж», «сильный», «работник», но на практике в известную эпоху (III дин. Ура) означает, возможно, раба.

и характеристику этой наименее исследованной области коптской археологии. В противоположность предыдущему исследователю коптской керамики Мэррей (Miss M. Migge), автор приходит к выводу, что эта керамика теснейшим образом связана со всем коптским искусством и при этом стоит в определенной связи—сюжетно, а также технически—с древнеегипетским искусством и древнеегипетской керамикой.

Статья К. С. Ляпуновой «Коптская ткань с мифом о Геракле» посвящена анализу одной из тканей Эрмитажа и вопросу об отражении мифа о Геракле в коптском искусстве.

«Эпиграфические заметки» проф. А. Я. Борисова содержат издание 26 пальмирских тессер Государственного Эрмитажа, одной мандейской магической чаши и нескольких сасанидских резных камней. Публикация магической чаши является, повидимому, началом издания эрмитажной коллекции этих весьма трудных памятников семитской эпиграфики. По поводу магических чаш, под которыми «погребался» злой дух (стр. 235), укажем на возможную органическую связь, существующую между ними и распространенным в Вавилонии обычаем погребений в виде большого глиняного сосуда, прикрытого чашей¹. По поводу употребления термина *gelalā* вместо аблā «камень» вавилонскими арамеями заметим, что оно засвидетельствовано уже для ахеменидской эпохи². В примечании к этому исследованию автор касается очень важного для истории культуры Передней Азии и Ирана вопроса об образовании среднеперсидской письменности. Это примечание основывается на неизданной работе А. Я. Борисова, которую было бы чрезвычайно желательно видеть опубликованной.

Весьма интересно исследование А. Я. Борисова, посвященное группе сасанидских резных камней, происходящих из христианской среды Ирана.

Статья проф. К. В. Тревер «Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма» посвящена по существу иконографии иранского божества Зрвана. Согласно точке зрения автора, первоначально верховным божеством иранцев был Зрван, «Вечность». Это абстрактное божество отошло на задний план с созданием в Иране классового общества, «... к ахеменидскому периоду, т. е. к периоду развития первого государственного образования в Иране». «...Это свержение отца сыном (т. е. верховным божеством ахеменидского и зороастрийского Ирана Ахурамаздой.—И. Д.) могло произойти в результате реформ Заратуштры, учение которого, сохраняя дуалистическое мировоззрение и культ стихий, провозгласило верховным божеством Ахура-Мазду». Происшедшее в иранском пантеоне перемещение «выразилось в появлении рельефов со сценой единоборства бога в образе царя со своим чудовищным противником» (стр. 246 сл.). Таким образом, автор толкует персепольский рельеф, изображающий бой царя с чудовищем, не как борьбу светлого и темного начала, Ахурамазды и Ангромайю (Ахримана), а как борьбу Ахурамазды со своим отцом, богом старшего поколения, творцом Зрваном. Доказательством того, что данное чудовище действительно Зрван, автор считает то обстоятельство, что в образе чудовища совмещены лев, орел и скорпион—представители всех стихий, создание которых приписывалось Зрвану. Во II—III вв. до н. э. Зрван, как спутник бога Митры, изображался в виде «старца с головой льва и с четырьмя крыльями, тело которого обвито и как бы сковано кольцом змеи, что, повидимому, вызывает крик его, судя по открытому рту» (стр. 244)³.

Более вероятным кажется мне другое разрешение поставленной автором проблемы, путь к которому указан самим автором. Автор сопоставляет изображение чудовища на персепольском рельефе с нововавилоиской бронзовой плакеткой, найденной в Пальмире (так наз. *Lamaštu-Amulett*). Но изображение на ней, по мнению большинства исследо-

¹ Ср., например, K o l d e w e y, *Das wiedererstehende Babylon*, 4. Aufl., стр. 54, 267 и рис. 195; е го, же, *Die Tempel Babylons und Borsippas*, стр. 59.

² (*abaṅ*) *ga-la-la* в вавилонской версии большой строительной надписи Дария из Суз (V. S c h e i l, *Inscriptions des Achéménides à Suse*, 1929, № 1). Арамеизмы вообще крайне часты в вавилонских версиях царских надписей Ахеменидов.

³ Крик этот—крик гнева, ср. J e r e m i a s, *Handbuch der altorientalischen Geisteskultur*, 2. Aufl., стр. 221—222.

вателей, толкуется иначе, чем у автора¹. В верхнем регистре, после символов богов, обычных для нововавилонских изображений религиозного характера, идет ряд известных семи вавилонских демонов, ниже—изгнание из большого злых духов жрецами в одежде бога Эа, наконец, внизу—злой дух в ладье мертвых, Ламашту. Эта плакетка употреблялась, вероятно, в ритуале изгнания злого духа. На обороте изображена фигура с человеческим телом, орлиными когтями, хвостом скорпиона, четырьмя крыльями и со львиной или собачьей мордой. Данная фигура—хорошо известный в вавилонской иконографии злой демон ветра и «поветрий»—«Пазузу». Сопоставление «Пазузу» с чудовищем персепольского рельефа следует признать правильным. Вообще говоря, для многих изображений на ахеменидских рельефах можно найти нововавилонские прототипы, и данное чудовище, очевидно, не является исключением. Но месопотамские «смешанные существа» могут изображать только демонов². Поэтому я думаю, что более правильно предположение, согласно которому персепольский рельеф изображает Ахримана, главу демонов.

Правильной следует признать высказанную в статье мысль, что сцены борьбы и охоты в раннем иранском изобразительном искусстве являются не чисто бытовыми, а связаны с определенными культовыми представлениями.

Во второй, чрезвычайно интересной статье проф. К. В. Тр е в е р «Художественное значение сасанидских монет» исследуется этот еще почти неиспользованный материал по истории сасанидского искусства. Автор связывает искусствоведческую и историческую периодизации сасанидского времени, подробно анализируя материал по периодам, и указывает на огромное значение монет для истории искусства и культуры Ирана и соседних с ним стран.

А. В. Б а н к в статье «К вопросу о клеймении серебра в Византии» разбирает вопросы терминологии и приходит к выводу, что византийский термин *ἀσπίς* может иногда толковаться не как «серебро», а как «неклеяемый металл».

Статьи Т. А. И з м а й л о в о й «Архитектурные фрагменты из Анберда» и М. М. Д љ я к о н о в а «Фаянсовый сосуд с иллюстрациями из Шах-Намэ» касаются отдельных вопросов истории культуры средневекового Востока. Роспись сосуда, описываемого в статье М. М. Дьяконова, дает целую серию весьма близких к тексту иллюстраций к эпизоду из Шах-Намэ «Бижан и Манижэ» и дает представление об иранской миниатюрной живописи XII—XIII вв.

Книга издана красиво, на хорошей бумаге и с большим количеством таблиц. Статьи снабжены французскими резюме. К сожалению, первый том «Трудов» носит следы слишком продолжительного пребывания в издательском портфеле. Раскопки Вулли в Уре уже не являются «последними» (статья Н. Д. Флиттнер); ссылка в статье М. Э. Матье о магических статуэтках на работу И. Л. Снегирева 1929 г. как на «недавнюю» (стр. 173) звучит странно. Трактовка древнеегипетского общества И. М. Лурье как «феодализирующегося» или неразвитого феодального (стр. 136) также явно устарела.

И. Дьяконов

«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры». Вып. IV, V, VI, VII. Л., 1940. 68, 86, 98 и 106 стр.

Четыре новых выпуска «Кратких сообщений ИИМК» составляют вместе объемистый том. Многообразие материала, заключенного в этих выпусках, иллюстрирует обширную работу, которую провели советские археологи и которая до сих пор не получила еще возможности публикации.

¹ В. М e i s s n e r, *Babylonien und Assyrien*, V. I, Abb. 213, V. II, стр. 204, 223; А. J e r e m i a s, *op. cit.*, § 164, 415 и др. Аналогичных плакеток нам известно несколько, и не на всех распределение изображений—одно и то же.

² Е. U n g e r, *Babylon*, стр. 214.